

Калинин-Ржев (октябрь 1941 - октябрь 1942 г.)

Начало войны

В середине мая 1941 года тётя Дуся и я отправились в Москву на теп-лоходе. Шли по Волге и каналу Москва-Волга до Химкинского водохрани-лища. Свой пеший поход в Москву мы, мальчишки, хотели совершить в ос-новном по берегам канала. В те времена о нём много писали и говорили как о великой сталинской стройке. И мне повезло: я увидел недавно построенный канал с водохранилищами и шлюзами с борта новенького теплохода. Детское воображение было поражено великолепием теплохода, грандиозностью канала и красотой окружающей природы. К тому же это было моё первое, почти самостоятельное путешествие.

Остановились у родственников тёти Дуси в самом центре Москвы внутри квартала, примыкающего к Старой площади, где теперь стоит комплекс вновь построенных зданий бывшего ЦК КПСС. Квартира коммунальная. Узкая, длинная комната. Для тёти Дуси поставили деревянную раскладушку, а мне постелили на полу.

После завтрака в ГУМ за сахаром. Здесь тоже очереди, но отпускают быстро. В одни руки не более одного килограмма. Мы с тётей Дусей, сменяя друг друга, занимаем вновь и вновь очередь, чтобы побыстрее отовариться. Мне невтерпеж. Ведь рядом Красная площадь, Кремль, мавзолей! Тётя Дуся всё понимает. Когда накупили достаточное для одной ходки количество сахара, она, назначив место и время встречи, отпустила меня, а сама понесла сумки к родственникам.

Радость моя неопишима! Самостоятельно брожу по легендарным местам и на всё

ЗАПИСКИ ЮНОГО КАЗАКА

Автор: Николай Васильев
08.07.2010 14:49 -

глазю! Но пришло назначенное время и мы вновь в очередях за сахаром. Затем с полными сумками ходили по ГУМу и магазинам на Никольской улице и покупали какой-то ширпотреб.

Ближе к вечеру поехали на 2-ю Хуторскую улицу, где нас ждал отец. Сдав меня с рук на руки, тётя Дуся тут же уехала.

Общежитие строителей — это несколько деревянных двухэтажных домов, ограждённых сплошным деревянным забором с проходной и воротами. Занимает почти целый квартал. Столовая, баня, небольшой магазин и даже почта. Живут только одинокие. Отдельно мужчины и женщины. Семей здесь нет, только гости вроде меня.

Большая комната на 2-ом этаже. Около двух десятков металлических коек с тумбочками. Одна из них наша. Отец, как и другие, работает посменно. Поэтому я сплю либо на своей, либо на пустующей койке. Никто не возражает.

Питаемся, в основном, в столовой. Если отец на работе, то оставляет мне для столовой деньги. Это-то мне и нужно! Вместо обеда кусок хлеба в кармане, а деньги - на поездки по городу на троллейбусе или в метро. Побывал на каждой станции существовавших тогда трех радиусов метро. Изрядно побродил в разных районах города в одиночку и с «гидом» из местных приятелей-ровесников. Пригодилось почти через пять лет, когда провожал Андрея.

Воскресенье 22 июня 1941 года. Прекрасная погода. Отец разрешил мне самостоятельно мотаться по Москве. Недалеко от стадиона «Динамо» услышал по радио выступление Молотова о нападении Германии на СССР. В те времена радиоприёмников у населения и радиоточек в квартирах было мало и потому почти на каждой улице были установлены огромные репродукторы. У репродуктора собирается толпа. Тревога и возбуждение. Я вернулся в общежитие. На общем столе водка, закуска. Настроение большинства угне-тённое. Понимают, что их первыми призовут в армию.

В понедельник я остался дома. Отец вернулся с работы к полудню. Ска-зал, что призван в армию. Обязан явиться в военкомат на 3-ий день после объявления войны. Отправить меня в Калинин с вещами отец не решил. Вещей много, а предупредить маму о встрече

на вокзале он не успевал. Поэтому отец отвез меня и свои вещи в деревню Пенягино под Красногорском. Там снимала угол его сестра, работавшая проводницей на железной дороге.

Короткий разговор, рюмка водки и мы проводили его до станции Павшино, где и распрощались навсегда.

Тетя Катя должна была при первой возможности отправить меня и вещи поездом, предварительно предупредив маму, чтобы встретили. Но железнодорожников перевели на военное, почти казарменное положение и я попал домой только во второй половине августа. Почти два месяца прожил в деревне, чаще всего проводя время на берегу Москва-реки в районе Тушино.

22 июля была первая ночная бомбардировка Москвы. Самолеты шли на Москву и возвращались оттуда над нами. Шарящие по небу прожектора, веера трассирующих пуль, гром зенитных орудий и разрывы их снарядов (зенитная батарея располагалась в саду в 100-150 метрах от нашего дома) — всё ново и необычно. Мы, мальчишки, с перьевыми подушками на головах (защита от осколков зенитных снарядов) выбегаем на возвышенное место, откуда видно, что делается в округе и над Москвой. Тревожно и радостно. А сколько ликования, когда самолёт попадает в перекрестие прожекторов и зенитный огонь сосредотачивается на нём!

Скоро, очень скоро детская романтика развеется, когда переживёшь не только бомбардировки и обстрелы с самолётов, но и прицельное бомбометание лично в тебя. Но в те дни никто этого не мог предвидеть.

До самого моего отъезда ночные бомбардировки Москвы были чуть ли не ежедневными. Поэтому после ночных «бдений» мы отсыпались на берегу Москва-реки.

Во второй половине августа тётя Катя смогла отправить меня поездом домой. Впервые в жизни еду в купейном вагоне поезда Москва-Ленинград. В Калининне меня встречают мама и наша соседка. На вокзале беженцы. В трамвае они просят подаяние. Введена карточная система, но в магазинах некоторые продукты продаются по коммерческим ценам. Для многих беженцев не по карману, а карточек нет.

В нашей школе разместили военный госпиталь. Четвёртый класс перевели в другую школу, расположенную немного дальше от дома на самом берегу Волги. Туда же в первый класс пошёл братишка. Рядом со школой сапёры построили понтонный мост, который пока используют только военные.

В посёлок зачастили агитаторы и политработники. Все в военной форме и с револьверами. Из соседних домов и барачных комнат созывают людей и на лужайке у нашего барака, закрепив карту на торцовой стене сарая, взахлёб рассказывают о разгроме немцев под Смоленском. На этом же самом месте перед войной они говорили о неизбежности войны с Германией и её неминуемом быстром разгроме.

Мама сказала, что под Смоленском в разрушенной Ельне (или Вязьме?) наш отец. Я пытался найти эти сведения в письмах, но ничего не вышло. По-видимому, родители как-то шифровали свои письма, чтобы военная цензура не задерживала их.

Не помню, чтобы немцы бомбили город. Но одиночные самолёты-разведчики на большой высоте иногда появлялись. Краснозвёздные истребители бороздили небо, когда улетали немцы. Точно так же было под Москвой. Истребители поднимались с аэродрома в Тушино, когда звучал отбой.

Всё было относительно спокойно и мирно. И вдруг в начале октября что-то произошло. Всевозможные слухи. Взрослые возбуждены. В школе (вероятно, после 10 октября) прекращены занятия. Над городом и посёлком летает пепел — в печах химзавода и котельных жгут бумаги.

Вечер. Над посёлком пролетают три краснозвёздных бомбардировщика. Неожиданно со стороны заходящего солнца появляются три истребителя с крестами. Несколько мгновений - и все три бомбардировщика сбиты и падают где-то в лесу. Три или четыре летчика успевают выброситься с парашютом. Это первый, увиденный мною, воздушный бой. А сколько их будет потом!

Во второй половине дня 15 октября 1941 года, взяв с собой самое необходимое, наша

семья вместе с другими покидает город.

Эвакуация

Большинство беженцев из нашего посёлка остановилось в деревне, расположенной в трех-четырех километрах от окраины города. Прибывшие на следующий день рассказали, что немцы вошли в посёлок 16 октября.

Вскоре в ближнем к посёлку лесу стали сосредотачиваться части Красной Армии. Однако эвакуированные в течение нескольких дней ходили свободно домой в посёлок и обратно.

На третий или четвёртый день я один отправился в посёлок. Вышел из деревни и увидел летящие самолёты-бипланы советского производства, но с крестами на фюзеляже и крыльях. (По-видимому, были захвачены на военном аэродроме в районе Ворошиловки).

Самолёты построились в круг и начали бомбить лес, примыкающий к нашему посёлку. Прямо надо мной они делали разворот и шли к цели, сбрасывая только по одной бомбе и вновь заходя на круг.

Я присел в кустах и наблюдал. Было страшно и была нервная дрожь.

На дороге появился военный в плащпалатке. Он быстро шел, но останавливался и не шевелился, когда очередной самолёт делал над дорогой разворот. Переборов страх, пошёл за ним.

Отбомбившись, самолеты улетели ...

Проселочная дорога из деревни в город проходила по полю в стороне от леса. По пути мне больше никто не встретился ...

Посёлок редкими одиночными снарядами обстреливала красная артиллерия. Два сарая на окраине горели. Все остальное, в том числе и наш барак, было цело.

Увидел всего несколько немецких солдат. Они на нас не обращали внимания.

Во второй половине дня пошёл обратно по той же дороге. Теперь на ней было много людей, покидающих город ... Из леса над нашими головами ударила пулемётная очередь. Кто-то из красных резвился, пугая женщин и детей. Возникла паника...

Уже в сумерках вернулся в деревню. Из дома принёс немного продуктов. Продуктовые карточки превратились в бумажки и беженцы питались кто как мог: что-то принесли с собой, что-то покупали или обменивали, если были деньги или вещи для обмена. Но в основном перешли на «подножный корм»: собирали в лесу поздние грибы, ягоды, коренья, а в поле — оставшуюся после уборки картошку, капусту и другие овощи.

Главной едой стало зерно, которое выбивали из снопов и колосков, собираемых в поле. На это никто не обращал внимания, хотя совсем недавно за сбор колосков на колхозном поле можно было получить лагерный срок.

Поход в город

Наш рабочий посёлок - окраина города. В полукилометре от него на северо-запад был лес. Оттуда красные почти ежедневно через болотистое поле атаковали немцев... А в другой стороне (северо-восток) так же близко в чистом поле располагался небольшой загородный посёлок, покинутый жителями, но не занятый ни немцами, ни красными.

Многие беженцы умудрялись проходить через ничейный посёлок в город и возвращаться оттуда. Вот такая была странная война!

В самом конце октября или в первых числах ноября я и Анатолий Дмитриев отправились в город, чтобы посмотреть цело ли наше жильё и принести оттуда тёплые вещи.

Анатолий старше меня на год с небольшим и жил в частном доме. До эвакуации я с ним ул был знаком. Но общая судьба беженцев сблизила наших матерей (у каждой муж на фронте, а на руках по два малолетних сына, которых нужно спасти от голода и наступающих холодов).

Послали они нас проторённым путём через ничейный посёлок.

Рано утром пересекаем поле и входим в первый же барак, где раньше было общежитие. У дверей стоит немецкий солдат и закладывает пистолет в кобуру. Он наблюдал за нами в окно. Другие солдаты ещё отлёживаются в постелях.

На ломаном русском нас допросили и с конвоиром отправили дальше. По дороге мы ему показали наши дома, но зайти он не разрешил.

По-видимому, конвоир нас привёл вначале в штаб батальона, затем в штаб полка, а оттуда повёл в штаб дивизии на правый берег Волги, которую перешли по понтонному мосту, построенному ещё красными возле нашей школы.

Резкое изменение! На левом берегу Волги нам изредка встречались только немецкие солдаты и офицеры. Ни одного гражданского! На правом берегу, не будь военных да ходили бы трамваи, - обычная городская жизнь.

Оказывается, немцы только что закончили выселение оставшегося гражданского населения из районов передовых позиций с левого берега в более безопасные места города. Поэтому наше появление в посёлке в любом случае привлекло бы внимание немцев.

В штабе дивизии нас вновь допросили, но на чистейшем русском языке. Накормили и определили на постой в частном доме вместе с группой военнопленных, выполнявших при штабе хозяйственные работы.

Штаб дивизии располагался в старом здании школы. Отопление печное. Нам поручили топить печи и подносить дрова. Работа не обременительна. Много свободного времени. Но главное: нас кормили на солдатской кухне, мы были сыты и жили в тепле.

Изредка по ночам советская авиация бомбила жилые кварталы города. Погибали и страдали, в основном, гражданские.

Впервые увидел как днём «работают» штурмовики ИЛ-2. Мы были свободны и с новыми приятелями катались на санках с горки на пустыре. Неожиданно появились два штурмовика, летящих на бреющем полёте над нашей улицей и поливающих её из пулемётов и пушек. Залаяли вдогонку скорострельные зенитные установки. С опозданием завывала ручная сирена у штаба дивизии. Итог: несколько человек ранены и двое или трое убиты среди гражданского населения (женщины и дети).

По-видимому, в этот же вечер советская артиллерия начала обстрел кварталов, прилегающих к школе. Редкие, одиночные снаряды ложились со значительным отклонением, но чаще с перелётом или недолётом. Не дожидаясь когда его накроют, штаб передислоцировался на Ворошиловку.

Современная средняя школа имела центральное отопление со своей котельной. Огромный подвал был заполнен заготовленным с осени картофелем. Теперь в наши обязанности входила чистка картошки для солдатской кухни. Немецкий повар готовил разнообразные и великолепные блюда из неё. И нам пришлось очень много работать. На кухне всегда стояло несколько огромных кастрюль с очищенной и залитой водой картошкой. Свободного времени почти не оставалось.

Мы с той же группой военнопленных жили на постое в двухкомнатной квартире жилого дома недалеко от школы.

Над нами шефствовал ефрейтор Густав Мюллер, которого мы звали Ко-стей. По происхождению — немец Поволжья. Русский язык — второй родной. Он распределял людей, давал задания и улаживал возникающие не-доразумения. Охраны у нас не было — мы жили свободно.

Однажды Костя привёл пополнение. Виктор Куценко — украинец. Добровольно сдался в плен, дал важные показания и изъявил желание бороться с большевизмом с оружием в руках.

Впервые от него, как очевидца, услышал рассказы об ужасах коллективизации, страшном голоде 1932-1933 годов, о вымирании целых сёл и людоедстве на Украине. Виктор чудом остался жив. Но за разговоры об этих событиях угодили в ГУЛАГ на строительство канала Москва-Волга. В детском сознании не укладывалось, что виденные всего полгода назад грандиозные и великолепные сооружения и окружающая канал красота созданы на костях и политы кровью многих десятков тысяч заключённых.

И вновь советское командование узнало место расположения штаба дивизии. Начался методичный артиллерийский обстрел.

Однажды днём, когда все были на работе, снаряд угодил в нашу квартиру. Пробил стену и иссек осколками нашу постель (соломенная подстилка на полу вдоль стены комнаты, покрытая брезентом и армейскими одеялами). Случись это ночью, погибли бы все. Стали

спать в подвале школы на буртах картошки.

Ранило Виктора осколком в голову — спасла шапка-ушанка. В школу попаданий не было.

Зимнее отступление

Зима была ранней и суровой. Выпало много снега, крепкие морозы. Первые числа декабря. Слышим как автомеханик Николай (русский, по-видимому, военнопленный, но ходивший в штатском и живший вместе с шоферами-немцами) на чем свет стоит поносит немецкую технику, не приспособленную к российским дорогам и русской зиме. Шофера слушают ти-рады, но выполняют указания автомеханика. Идет подготовка автотранспорта к переезду и его загрузка.

С утра чистим картошку. В полдень повар нас сытно покормил и сказал, что мы свободны. Спустились в котельную. На суету не обращаем внимания. Поздно вечером за нами пришёл Костя и посадил в автобус. Салон за-полнен ящиками, сундуками и тюками. Пассажиры: я с Анатолием да два или три немца. Очень холодно. Закутались в одеяла и какие-то тряпки, прижались друг к другу и уснули. Ночью просыпались от встряски и остановок. Поняли, что мы не в городе.

Утром долго стояли в каком-то селе. Дважды стоящую колонну обстре-ливали ИЛы, но мы даже выскочить из автобуса не успевали.

Подъехало несколько саней-розвальней, управляемых нашими ребятами-военнопленными. Под руководством офицера и Кости перегрузили часть вещей. Последними санями поручили управлять Анатолию (он умел это делать), а меня с двумя немцами усадили на гряду вещей пассажирами. Только теперь мы узнали, что немцы отступают и сдали Калинин.

Вечером увидели зарево пожаров в нескольких местах. Это горели де-ревни, подожженные и оставленные немцами. Особенно сильно полыхало на большаке, где был брошен застрявший автотранспорт и другая техника.

Немецкие войска полностью перешли на гужевой транспорт, который пополняли, отбирая у гражданского населения. (Западную часть Калининской области немцы заняли неожиданно и быстро. Большевики не успели угнать или уничтожить колхозных лошадей и скот, что и создало непредвиденный транспортный и пищевой резерв для немецкой армии). В отступающих обозах перемежались розвальни с лёгкими санками, пароконные армейские брички и фуры с телегами и пролётками... Особенно трудно на заснеженных дорогах было орудийным расчётам: колёса тонули в снегу и на подъёмах лошади и люди надрывались.

Первоначально отступление было похоже на бегство. Затем положение стабилизировалось и отступление стало планомерным. Сплошной линии фронта не было. Немцы занимали населённые пункты, а части Красной Армии упорно стремились взять их в лоб без должной артиллерийской и авиационной поддержки. Потери наступающих огромны.

Однажды штаб дивизии был поднят по боевой тревоге. Подразделение красной конницы, обойдя передовые позиции немцев и увязая в снегу, атаковало штаб. В бою красных конников перестреляли, а штаб пополнился прекрасными верховыми лошадьми с полной экипировкой.

Начальнику отдела, который обслуживала наша группа военнопленных, достался красивый чёрный жеребец, а Косте — гнедой мерин. Кому-то-серая кобыла в яблоках. Нам с Анатолием добавилось работы.

Немецкая армия постепенно преображалась.

В начале отступления везде встречались немцы в пилотках, повязанных шарфами, женскими платками и шалями, с накрученными одеялами и тряп-ками поверх шинелей и

ЗАПИСКИ ЮНОГО КАЗАКА

Автор: Николай Васильев
08.07.2010 14:49 -

сапог. Было много обморожений.

Позднее большинство оказалось с валенками, полушубками, ватниками и шапками-ушанками, снятыми с убитых красноармейцев.

Неподготовленную к русской зиме немецкую армию одевало и утепляло большевистское командование, непрерывно гоня на убой пушечное мясо!

Штаб дивизии редко подвергался артиллерийскому обстрелу и ещё реже нападениям авиации. Да и немецкой авиации не было видно в небе.

Главным врагом людей стала вошь.

Никто от вшей не мог полностью избавиться. Они ползали даже поверх одежды. В свободную минуту кто-то вытряхивает вшей со своей одежды прямо на снег, кто-то давит ногтями. Утюг, заправляемый и обогреваемый углём, стал желанным повсюду предметом.

Где вши, там и тиф.

Особенно страшным он был для военнопленных в лагерях. О положении в них мы знали из рассказов очевидцев и иногда видели этих несчастных на расчистке дорог от снега. Судьба их печальна. Они тысячами гибли от голода, холода и болезней.

Вина нацистов в бесчеловечном обращении с пленными несомненна.

Но ещё больше виновны в этом большевики, которые не признавали Женевскую конвенцию о военнопленных и считали всех попавших в плен предателями.

Военнопленные и гражданские, выполнявшие хозяйственные и другие работы в немецких воинских частях, были на привилегированном положении. Они были бесконвойными. Питание достаточное: в каких-то частях почти полный немецкий армейский паёк, в других - урезанный, но из того же полевого котла.

Солдатская инициатива по «добыванию» съестного помогала, но при стабильной фронтовой обстановке была опасна. Воровство и мародёрство жестоко наказывались, чаще всего расстрелом.

Затишье

В конце зимы фронт стабилизировался и немцы перешли к жёсткой обороне. Штаб дивизии расположился в деревне на правом берегу Волги восточнее города Зубцова. Ниже по течению на левом берегу у самой реки на опушке леса в бывшей помещичьей усадьбе расквартировали наш отдел. В советское время там была дача для отдыха партийной элиты.

Даже зимой красота изумительная. С трёх сторон усадьбу вплотную обступают могучие сосны, а с юга — покрытая льдом Волга и поля с перелесками. В морозное утро полыньи на быстринах курятся паром, а в лесу тишина, нарушаемая только хрустом снега под ногами или лыжами.

Живём как в раю. Своя баня. Выстирана и приведена в порядок одежда. Починена обувь. Избавились от вшей. Спим на кроватях с чистым постельным бельём. Кони отдохнули, сыты, шерсть лоснится. При выводе на водопой с ними трудно управиться.

Первые дни мы с Анатолием ездим через Волгу в деревню на штабную кухню за продуктами, горячим обедом или ужином для всех. Но однажды Костя привёл двух раненых молодых коней. Их пристрелили, разделали и стали сами готовить прекрасные мясные блюда. В подвалах обнаружили заготовленные овощи, соленья, маринады. На штабной кухне стали брать только сухой паёк.

Впервые в жизни в течении длительного времени я «до отвала» ел различные мясные блюда. Изощрялись в приготовлении вкусных блюд как военнопленные, так и немцы. По каким-то поводам были общие застолья.

Беспечность поразительная. Посты охранения не выставляли. Только на ночь назначали дежурного из военнопленных, который следил за печами, лошадьми, дорогой и лесом, когда выходил из помещения. Поручали такое дежурство даже мне с Анатолием.

Оберефрейтор Хайнц, попавший в Первую Мировую войну в русский плен и немного говоривший по-русски, стал обучать нас немецкому языку. Однажды он показал какой-то журнал с фотографией командира дивизии, стоящего рядом с Яковом Джугашвили (сыном Сталина) в окружении штабных офицеров. По-видимому, именно эта дивизия пленила его.

Перед ледоходом, когда уже стало небезопасно переезжать реку по льду, штаб дивизии передислоцировался. На новом месте мы встречали православную Пасху с крестным ходом вокруг часовни на кладбище. (Деревенская церковь в 30-е годы была разрушена большевиками).

Мы были мало загружены и большей частью пасли коней вместе с местными мальчишками. Иногда ловили рыбу в протекавшей рядом с деревней речушке. Много читали, беря книги у горбатенького дьячка - бывшего библиотечкаря колхоза.

Невдалеке шли бои местного значения. Изредка ночью советские самолёты бомбили город Зубцов и мы видели лучи прожекторов, всполохи от разрывов бомб и зенитных снарядов, а иногда и зарево пожаров.

Вялые боевые события обходили нас стороной. О близости передовых позиций напоминали военнопленные из лагеря, которые копали окопы и строили блиндажи вдоль окраины деревни. Готовилась вторая или третья линия обороны. В начале лета очередная передислокация. Штаб дивизии с охранной командой был расквартирован в трёх близрасположенных деревеньках. В одной из них полуразрушенная церковь, богослужения в которой возобновились с приходом немцев. Командир и начальник штаба дивизии, их охрана и наш отдел расположились в самой маленькой деревне дворов на десять. Остальные отделы и службы, в том числе и кухня, в других деревнях. В мою и Анатолия обязанность входили: доставка обедов и продуктов питания, мытьё котелков и посуды, чистка обуви офицеров нашего отдела и пастьба коней. При выпасе лошадей нам разрешалось кататься верхом без сёдел. Не обходилось без падений.

Однажды куда-то уехали Костя, Виктор Куценко и ещё трое или четверо из нашей группы военнопленных. Дня через три вернулись. Все в форме командиров Красной Армии с кубиками и шпалами в петлицах. Вооружены «до зубов»: пистолеты, автоматы, гранаты. Радостная встреча. Начальник отдела каждого обнимает, жмёт руки. Вечером, освободившись от «доспехов» и приведя себя в порядок, ребята рассказали о своих похождениях.

Им предложили участвовать в разведке. Согласились. Ночью пересекли передний край в форме советских командиров и с соответствующими документами. Руководил группой Костя. Всё шло по плану. Но в одном из штабов возникла угроза разоблачения. Смелость и решительность Виктора спасли группу. Он без лишнего шума ликвидировал тех, кто представлял опасность. Группа прихватила штабные документы, оружие и незаметно ушла из расположения штаба. В условном месте перешли линию фронта. Их встретили и доставили в штаб дивизии.

За эту операцию к «Железному кресту» представили Костю и Виктора. Костю наградили, а награду Виктора кто-то застопорил. Начальник отдела сокрушался и извинялся, а Виктор отнёсся к этому спокойно.

Вскоре эта же группа участвовала в ликвидации подпольного склада оружия. Часть его привезли с собой и сложили в пустом сарае.

Впервые стрелял из боевого оружия. Боялся отдачи приклада в плечо. Оказалось, что страхи напрасны.

В небе периодически появляются штурмовики ИЛ-2. Нас они ни разу не бомбили и не обстреливали, а «работали» в стороне, чаще всего над городами Ржевом и Зубцовом. Но воздушные бои рядом с нами и над нами происходили неоднократно. Обычно ИЛы, прижимаясь к земле и отстреливаясь, удирали за линию фронта. Мессеры носились над ними как стервятники, выбивая из строя то один, то другой. И только однажды видел, как гнавшийся за Илом мессер круто свернул влево, задымился, вошёл в пике и взорвался в лесу...

Разгар лета. В лесу созрела малина. Жители деревни ходят на сбор малины и грибов группами в сопровождении своих постояльцев — немецких солдат. Иногда к таким вылазкам присоединяемся и мы вместе с Костей...

Газеты, журналы, кинохроника и радио (в каждом отделе штаба имеется свой радиоприёмник) сообщают об успехах немецких войск на Сталинградском и Кавказском направлениях...

У нас затишье. Около полугода почти мирной прифронтовой жизни.

Тяжёлые бои

По-видимому, в конце июля громко заговорила артиллерия. Бомбардировочная авиация крупными стаями бомбит Ржев и Зубцов. Штурмовики осед-лали передовые позиции и дороги, штаб залихорадило. Почти непрерывно звонят полевые телефоны. Мелькают нарочные верхом или на мотоциклах.

Знакомый мотоциклист рассказывает, что красные непрерывно атакуют. Невозможно

спокойно поест — у него из рук пуль выбило банку консервов.

Дня через два и три фронт прорван. В штабе тревога. Охрана занимает на окраине боевые позиции. Остальные спешно готовятся к отступлению. Грузят на подводы и автомашины всё необходимое. Ненужные вещи и документы сжигаем ...

Юнкеры бомбят опушку леса в двух километрах от нас. Один из них, войдя в пике, так и не вышел из него. Другой взорвался в воздухе ...

В сумерках тронулись. Ночью по железнодорожному мосту переправляемся через реку Вазу. Путь освещают пожары в городе Зубцове...

Излучина Волги. Краткая остановка в деревне на правом возвышенном берегу. Напротив, на левом берегу в полутора-двух километрах другая деревня, обороняемая немцами. Красные её атакуют.

Появляются Юнкеры и поле между лесом и селом взлохматилось от взрывов бомб. Сверху хорошо видно, как под прикрытием самолётов немцы организованно покидают деревню и переправляются на лодках на правый берег. Над нами изредка пролетают снаряды и посвистывают пули...

Сворачиваем с дороги в лес для короткой остановки на отдых. Распрягаем лошадей. Даём им корм. И вдруг неподалёку открыла огонь артиллерийская батарея.

Вскоре началась артиллерийская дуэль. Снаряды красных падают всё ближе к батарее и нашему бивуаку. Под взрывы снарядов, завывание и шелест осколков уходим...

Большак. Автомашины и воинские обозы перемежаются с обозами и толпами беженцев. Часть беженцев имеет лошадей и подводы. Большинство идут пешком и тащат скарб на себе или тележках. В основном женщины и дети. Мужчин мало. Кое-кто ведёт домашний

СКОТ.

Завыла ручная сирена воздушной тревоги. Идёт на бреющем полёте группа штурмовиков ИЛ-2. Резкие воинские команды. Солдаты привычно и быстро рассыпаются, залегают и открывают по самолётам огонь из стрелкового оружия. Скорострельные зенитные установки, как всегда, с опозданием залаяли в хвост уходящим самолётам.

Беженцы в панике. Многие так и застряли на дороге. Результат: один солдат убит, есть раненые. Несколько раненых лошадей и подбитых машин. Среди беженцев стоны раненых и громкий плач по погибшим. Тут штурмовики собрали богатый урожай ...

Небольшой лесок в пойме Волги. Низкая облачность, но дождя нет. Тишина, нарушаемая громкими разговорами, стуком топоров и визгом пил. Идёт обустройство бивуака и маскировка.

И вдруг характерный вой бомбы и взрыв. Убит знакомый фельдфебель.

В разрывах облаков видим, что над нами летит «кукурузник» (У-2) с выключенным двигателем. Нормальная тактика — самолёт, планируя, тихо подкрадывается к объекту разведки или бомбардировки в пасмурную погоду или ночью...

На следующий день прекрасная солнечная погода. С раннего утра периодически большими группами летят краснозвёздные бомбардировщики. На нашем участке не видно немецких истребителей. Работает только зенитная артиллерия. Почти каждая группа теряет самолёты...

Во второй половине дня прибежали наши кони. Одна кобыла ранена осколком в спину. Из раны вместе с воздухом вырываются брызги крови. Мы с Анатолием погнались их вновь на луг. Увлечлись и поздно увидели низко летящие прямо на нас самолёты. С испуга бросились назад к окопу, где при бомбардировках укрывались наши ребята — военнопленные. Только залегли — вой бомбы. Тихий взрыв и последняя мысль: «Всё. Конец».

Очнулся, лёжа на спине (падал в окоп лицом вниз). Пытаюсь разгрести землю руками. Задыхаюсь. Начинаю терять сознание. И тут кто-то схватил за руку и выдернул меня из земли. Все живы, но не слышим друг друга. Нужно кричать. Почти у всех течёт кровь из носа и ушей.

Самолёт сбросил на нас две небольших бомбы. Недолёт. Край одной воронки от окопа три с половиной — четыре метра, другой — менее метра.

Ночью спал под гружёной телегой. Утром вижу перебитую осколком ог-лоблю. Несколько осколков вокруг телеги. Нас ночью бомбили, а я не слышал...

Красные непрерывно наступают. Наступление поддерживается артиллерией и авиацией. Танков мало. Их использованию мешает болотистая местность. Наибольшие неприятности немцам от «Катюш». Однако немцы, пятась, упорно обороняются. Боевой дух поддерживают сообщения об успехах в Сталинграде и на Кавказе.

У Ржева фронт вновь стабилизировался. Но красные продолжают гнать «пушечное мясо» в эту мясорубку. Наша дивизия несёт большие потери...

В конце сентября стали прибывать свежие войска. По слухам, из Франции. Дивизия, передавая им позиции, отходит в тыл.

Несколько дневных переходов и мы в районе Ярцево. Здесь узнаём, что дивизия уходит на отдых и переформирование во Францию.

Мы с Анатолием и группой гражданских, работавших при штабе дивизии, на трёх подводах были отправлены в обратном направлении. Нам выдали необходимые документы и сухой паёк на дорогу.

Поле «боя»

Обратный путь по той же дороге. Вначале по Минскому шоссе, а затем вдоль правого берега Днепра. Чудесная осенняя погода: легкий морозец по утрам, тёплые погожие дни. По пути останавливались на ночевки в каких-то деревнях. Место постоя назначал староста деревни после предъявления документов старшим группы. Хозяева принимали радушно, сочувствовали нам, так давно и далеко оторвавшимся от дома.

Вдоль Днепра до самого Холм-Жирковского на своем пути не встретили ни одной воинской части. На этом участке пути меня с Анатолием очень интриговало одно поле. Штаб дивизии прошел здесь, не останавливаясь. Мы же были ездоками и бросить подводы не могли, чтобы удовлетворить свое любопытство. А посмотреть было на что.

От дороги в сторону Днепра пойменные луга шириной 200-300 метров. По другую сторону - заросшее бурьяном пахотное поле шириной около полукилометра, а за ним лес. На опушке леса в одну шеренгу как на параде выстроились десятки танков БТ. Перед войной мы их видели в кинохронике, фильмах «Если завтра война», «Три танкиста» и других. В кино они крушили укрепления, деревья и врагов. Здесь же стояли мёртвыми.

Между танками и дорогой на пахотном поле лежал сбитый пикирующий бомбардировщик Ю-88, сумевший сесть на «брюхо». Мы предполагали, что немецкая авиация неожиданно накрыла танки и уничтожила их на месте дислокации. Только вызывал сомнение их парадный ненарушенный строй.

Ошиблись! Пройдя вдоль всей шеренги, мы не обнаружили ни одного (!) поврежденного взрывом авиабомбы или снаряда танка. Все они были сожжены самими танкистами, так и не вступив в бой с противником. Что произошло - неизвестно. Только уверенно можно сказать: в танках не было боекомплектов. Иначе их взрывы от высокой температуры не оставили бы корпуса целехонькими. Даже нам было грустно смотреть на бесславно

погибшую грозную армаду танков.

Русский полк

В Холм-Жирковском мы должны были явиться в местную комендатуру. О дальнейшей судьбе могли только гадать. Потому настроение у всех было тревожное. Не помню куда и как определили наших взрослых попутчиков. Мы же с Анатолием попали в русский полк, воевавший на стороне немцев против партизан.

В портняжной и сапожной мастерской нам перешили и подогнули форму и сапоги, выдали карабины и определили в хозяйственную часть при штабе полка. Какое-то время мы работали на продовольственном складе, помогая выдавать продукты. Затем нас перевели в оружейную мастерскую.

Весь русский состав полка был вооружён трофейным советским оружием, немецкий персонал — немецким. Потому в мастерской ремонтировались все виды стрелкового оружия. Мы быстро научились разбирать, чистить и собирать его. Посложнее было с обнаружением дефектов и заменой негодных деталей. Но мальчишеский азарт в течении короткого времени помог освоить все виды оружия: от пистолетов до станковых пулемётов. И в старости с благодарностью вспоминаю оружейного мастера, который научил нас читать сложные чертежи и свободно разбираться во всех системах стрелкового оружия. До самого конца войны я не испытывал затруднений, встречаясь со стрелковым оружием производства разных стран мира.

Трофейного стрелкового оружия и боеприпасов к нему было в избытке за исключением револьверов системы «Наган». Револьверов много, патронов почти нет. Однако, выход оказался простым. Калибр пуль револьверов совпадал с калибром пистолетов ТТ и автоматов ППД и ППШ, но диаметр гильз был меньшим. Поэтому барабаны револьверов рассверливали на нужную глубину под диаметр пистолетных гильз (патронов) и проблема с боеприпасами отпала сама собой.

В дальнейшем нас перевели в роту охраны штаба полка.

Борьба с партизанами

Местные жители рассказывали, что в 1941 г. и зимой 1941-42 гг. партизан было мало и они не доставляли особых хлопот немцам. Однако, жителям близлежащих к партизанским базам деревень приходилось туго: партизаны их грабили — отбирали продукты, одежду, уводили скот и мужчин призывного возраста. В дальние деревни партизаны почти не совались, хотя там кроме старосты да двух-трёх местных полицейских никого не было, а немецкие малочисленные комендатуры обычно располагались в районных центрах.

Зимнее наступление Красной Армии к весне 1942 года повсеместно было остановлено, а в начале лета в Новгородской и Калининской (Тверской) областях немцы окружили и разгромили три армии. Часть окруженцев образовала партизанские отряды или влилась в уже существовавшие, в том числе и в богатой лесами Смоленской области. Немцы привлекли к борьбе с партизанами антибольшевистски настроенных военнопленных и местных жителей, организовав из них воинские подразделения. К ним относился и наш полк.

С наступлением зимы полк передислоцировался в северо-западном направлении и, расположившись в деревнях, образовал антипартизанский кордон. Неоднократно проводились рейды по уничтожению партизанских баз и эвакуации мирного населения из партизанских районов. Но нас к таким операциям не допускали. Полк нёс небольшие

потери при рейдах на партизанские базы, но за всю зиму не было ни одной попытки партизан напасть на деревни, где располагались подразделения полка. Даже не минировались просёлочные дороги между этими деревнями.

Как правило, в деревнях располагались малочисленные гарнизоны из подразделений полка, для поста которых отводились общественные здания и частные дома для караулов на всех въездах и выездах, откуда отселяли местных жителей. Большинство частных домов было свободно от поста солдат. Так, например, значительную часть зимы наш взвод располагался в доме сельской управы (бывшее колхозное правление), а лошади в сарае частного дома, где на постое не было солдат, но жили две семьи: хозяева и беженцы из партизанского района. Отношения с ними были хорошими, а мне с Анатолием зачастую доставалась крынка парного молока, так как мы не только ухаживали за своими лошадьми, но и помогали им по домашнему хозяйству.

Кроме ухода за лошадьми нас привлекали к ночному патрулированию. Обычно парный патруль проходил по улицам деревни и её окраинам, где не было караулов. Здесь всегда шли осторожно с подстраховкой - на расстоянии нескольких шагов друг от друга с готовым к бою оружием. Иногда приходилось с нарочными на санях выезжать в соседние деревни ночью. Опасались засад и на всеслучи были готовы к защите. Позднее настолько привыкли к «мирной» жизни, что стали ездить друг к другу в гости в близрасположенные деревни не только днём, но и ночью. Бывало мы с Анатолием самостоятельно далеко ходили на лыжах с карабинами поохотиться на лис или зайцев.

В послевоенное время появилось много мемуарной и художественной литературы и кинофильмов о «героических» делах партизан. Там наворочено столько вранья, что диву даёшься. Особенно это касается периода 1941 -42 гг., который точнее было бы назвать не «боевым» партизанским, а разбойным, когда партизаны беззастенчиво грабили мирное население деревень, удалённых от дорог и крупных населённых пунктов. Однако, об этом ни слова, ни звука. Зато много написано о грабежах полицаев и «карателей».

Я уже отмечал, что в Вермахте сурово карали за воровство и мародёрство. Для примера — характерный случай.

Подразделения полка выходили к рубежам блокирования партизанского района. В одной из деревень штаб полка простоял несколько дней. Однажды в дом, где

квартировали несколько солдат и мы с Анатолием, привели четырёх арестованных полицейских из двух дальних деревень. Нам приказали — их охранять до следующего утра. Полицейские сами рассказали, что их арестовали за грабёж, который они совершили совместно под видом партизан. Понимали, что это — преступление. Предполагали, что самым большим наказанием будет отправка в лагерь военнопленных. На следующий день состоялся военно-полевой суд и показательный расстрел (!) перед взрослыми жителями деревни и представителями подразделений полка.

Понятно, что в любой из воюющих армий есть мародёры, которых в период боевых действий трудно, да и некогда и некому выявлять. Однако, грабёж мирного населения партизанами не идёт ни в какое сравнение с грабежом чинов Вермахта. Для партизан тотальный грабёж — вопрос выживания. Для мародеров из Вермахта выборочный грабёж — дополнение к армейскому довольствию. Да и что было брать у нищего советского человека, особенно у колхозника, которого в предвоенные годы сажали в тюрьмы и лагеря за сбор колосков на уже убранном колхозном поле? Вот когда Красная Армия вошла в Европу, особенно в Германию, было что увозить оттуда огромными чемоданами, называвшимися «мечта оккупанта», даже простым солдатам. И чем выше воинское звание или должность, тем больше было возможностей, а генералы вывозили машинами и даже вагонами.

Для большевиков грабёж — дело привычное. И к власти-то они пришли под лозунгом «грабь награбленное». В результате были голод 1921-22, 1932-33 годов и гибель миллионов людей от голода в мирное время. Что творили партизаны под «мудрым» руководством большевиков в годы войны и как это отражалось на мирном населении, наконец-то, к концу тысячелетия стали робко рассказывать престарелые участники партизанского движения. Раньше они об этом не смели и заикнуться.

Катынь

В апреле 1943 года полк передислоцировался к городу Смоленску, а его подразделения расположились в деревнях близ станции Катынь. В этот период там происходили раскопки захоронений расстрелянных большевиками в 1940 году пленных польских

офицеров. Все подразделения полка побывали в Катынском лесу на месте расстрела и эксгумации тел. Нас не допустили, чтобы не травмировать психику подростков.

Эти «экскурсии» оставляли тяжёлое впечатление даже на многое видевших и обстрелянных солдат и действовали сильнее любой пропаганды. Дополняли впечатления рассказы местных жителей, видевших прибывающие эшелоны с польскими офицерами, слышавших стрельбу и запуганных работниками НКВД. Не знаю, что с рассказчиками стало после «освобождения», но предполагаю, что большинство из них оказалось в ГУЛАГе, если не получили пулю в затылок.

В послевоенные годы советская власть пыталась свалить своё преступление на немцев, а позднее его замалчивала. И только на рубеже 90-х годов признала свою вину. Мировое сообщество знало правду о расстреле польских офицеров, но большинство населения СССР верило большевистской пропаганде. Кто знал правду, молчал из-за боязни оказаться в тюрьме или ГУЛАГе за «клевету» на советский общественный строй. Молчал и автор этих строк.

Ранее мы слышали о генерале А.А.Власове и начале формирования Русской Освободительной Армии. Шли разговоры, что и наш полк войдёт в ее состав. Но только здесь, близ станции Катынь впервые увидели офицеров РОА. Это были слушатели школы пропагандистов, прибывшие из Берлина на место эксгумации расстрелянных польских офицеров. Они говорили, что где-то поблизости находится и генерал Власов...

Продолжение в следующем номере